

МУССА БАТЧАЕВ
**ХОЧАЛАЙ
И
ХУР-ХУР**

Сорвиголове Ахмату — младшему из сыновей моей матери:

У ослика тонкие ноги и грузный живот. Живот снизу белый, бока серые, спина совсем серая. Зовут его Упрямый, хотя, быть может, он самый послушный на свете осел.

Упрямый ничего не видит, потому что родился слепым. Не видит, какая впереди дорога, какое наверху небо. Ноша его нелегка. Восемь хурджунов с недельным запасом хлеба для восьмерых, в двух флягах вода и Хочалай в больших сапогах — все на нем.

— Ле-чух, мой Упрямый, ле-чух! — погоняет Упрямого Хочалай, и быстрее стучат по каменистой дороге четыре копытца.

— Человек много обижает осла, — сказал отец, когда купили Упрямого. — Уважай его.

Хочалай уважает. Пусть не осудит его встречный путник, подумав: «Такой большой мальчик, а едет на чужих ногах». Умей Упрямый разговаривать, он бы сказал:

— Эй, путник, не думай о Хочалае дурно. Он только минуту назад взобрался мне на спину. Ног у него в два раза меньше, и усталость пришла к нему раньше. Это во-первых. Во-вторых, дорога наша длинна — будет Хочалаю еще время потрудиться. У Красных утесов я отдохну, а Хочалай прольет семь потов. Пусть бережет силы...

— Спасибо тебе, — треплет серую холку друга Хочалай, — ты все хорошо понимаешь. Ни у кого во всем Карачае больше нет такого умницы. Ждут тебя у

Красных утесов и трава зеленая, и отдых в тени, а я потружусь...

Дорогу, по которой они едут, называют в ауле Тропой шайтана потому что она трудна. Вернее, опасна, но путник не должен знать этого слова. По ней, говорят, может пройти только настоящий мужчина. Или только шайтан, если хорошо подкован и достаточно смел. Для осторожных и робких есть еще другая дорога. Она не скачет со скалы на скалу, над нею не висят готовые сорваться на голову камни, и ни справа от нее, ни слева нет бездонной пропасти. И еще — она не такая узкая. Две арбы могут ехать по ней совсем рядом и приехать туда же, куда везет хлеб Хочалай — на Боязир, к косарям. Только приедут поздно, шесть или семь дней будут, толочь грязь той дороги колеса.

Каждую неделю проходили по Тропе шайтана Хочалай и Упрямый, только с ними был тогда отец, а теперь их двое. Им будет трудно, особенно у Красных утесов, где тропу сжали две гранитные глыбы, а третья упала на них сверху. Ни лошадь, ни бык не пролезут в этом месте дороги: лошадь высока, бык широк. Осел лучше их. Он такой же сильный, но маленький. Если его развьючить, он влезет в эти чертовы ворота, только шерсть с серых боков останется на шершавых боках скалы. Платой за пропуск называет ту шерсть отец.

Дай аллах ослу крылья, лучше самолета был бы, думает о своем Упрямом

Хочалай. Оставались бы тогда целы его бока и ему, Хочалаю, не пришлось бы стаскивать с него хурджуны и тащить на себе через камни...

Хочалай удобнее устраивается на седле и чувствует себя совсем хорошо. Ни неприятной качки, ни стука копыт, ни скрежета фляги, ежесекундно бьющейся о каменную стену справа. Все тихо и спокойно. Лишь слабый ветер дует навстречу, ласкает лицо, еле слышно поет в скалах... Но это не ветер, думает Хочалай, это он летит, рассекая воздух, и облака расступаются перед ним. Сверкают на солнце и гудят алюминиевые фляги по бокам Упрямого, но это не фляги, это серебряные крылья, думает Хочалай. От удовольствия он поет и просыпается от собственного голоса...

Есть дурная привычка у Упрямого — не хочет и шагу сделать, когда на нем спят.

— Чтобы трупы на тебе возили,— ругает его Хочалай.— Грех, по-твоему, человеку глаза сомкнуть? Мог бы, в таком случае, разбудить меня, а не стоять посреди дороги, как из дерева сделанный. Ведь и тебе краснеть придется, если хлеб к утру не привезем. Эх, ты. Ну ладно, давай вперед, не буду спать, буду о чем-нибудь думать.

И Хочалай думает. Сначала о разных вещах на свете, потом о самом интересном — о косарях, которым он везет хлеб и воду.

* * *

— Э-эй! Батыры! — рокошет перед каждой зарей самый старый косарь Домалай.— Пора Хур-хуру загоры, не держите его, пусть уходит. И нам давно время схватить ноги в руки.

Голос Домалай рождается не в груди, как положено, а ниже, в самых глубинах чрева, потому и успеваешь на длинном пути вверх набрать силу грома.

Но что такое Хур-хур? Об этом спросил Хочалай еще в первый день сенокоса, и ему, улыбаясь, ответил Хайдар:

— Хур-хур — это маленький, жилистый, крючковатый мужичок,

который вцепится в тебя вечером и не отстанет до утра, что бы ты с ним ни делал.

— Неправда,— не согласился Хопай.— Хур-хур — это грузный дядя, навалится вечером, придавит к постели и держит до утра.

Еще узнал Хочалай, что Хур-хур вездесущ, не спрячешься от него, найдет хоть под буркой, хоть под шубой. И особенно легко находит лентяя — любит его. А боится Хур-хур только холодной воды и голоса Домалай — как только услышит, сразу убегает от человека. Одним словом, оказалось: Хур-хур — это сон. Пришел он — закрывай глаза, а когда уходит, в постели делать больше нечего, надо вскакивать и одеваться. Прощаться с Хур-хуром дольше положенного срока — для косаря позор. Дружи, косарь, ночью с Хур-хуром как хочешь, а на заре гони его в шею, берись за косу, пока не ушла роса в небо.

— На всех брюках две штанины,— поделился в начале лета своими наблюдениями Домалай,— все рубашки с двумя рукавами, и каждому, с позволения аллаха, можно одеться не позже других.

Домалай — тамада джыйына, он пустое не скажет. И все-таки ведь не могут все одеться разом. В море рыба не одинаковая, а люди тем более.

Проворнее всех Хайдар: он первым срывает с гвоздя последнее, что нужно надеть, — белую, как снег, войлочную шляпу, такую широкополую, что косарь под нею и в самое жаркое солнце по пояс в тени. Второй после Хайдара — такой же худой и ловкий Хамит, а после него по разному порядку идут остальные.

И только его, Хочалай, отец берет за шляпу обычно последним.

Домалай пустое не скажет, он тамада джыйына, но забыл он, видно, что не у всех две руки. У отца одна правая, и левый рукав мать ему просто не шьет.

Однажды Хайдар предложил Хочалаю:

— Выпей гоппан айрану — скажу секрет, как отцу быстрее одеваться.

Хайдар ни на кого из остальных не похож. Хочалай его не любит. Хайдар

один замечает, кто за кем успева­ет одеться, хотя у всех глаза не хуже его видят.

Опустошить гоппан — дело воз­можное, особенно если натошак, но Хайдар улыбается непонятно. И Хочалай на всякий случай молчит.

— Какой ты карачаевец, раз айран не любишь? — будто бы удивляется Хайдар.— Или он тебя не любит, не хочет в твой желудок? Тогда отдай мне сестру.

«Так и побежит она за тебя»,— только успева­ет подумать Хочалай, а Хайдар снова улыбается. Есть у него нехорошая привычка — угадывать несказанные слова.

— Может, она не согласится, — говорит он,— но ты можешь ее вы красть. Чем плохой зять буду, только нос немного велик...

«И крив»,— хочется добавить, но Хочалай молчит. Он решает молчать долго. И Хайдар, поняв это, не выдерживает, сообщает секрет. Приблизив лицо и сложив губы в трубку, он шепчет Хочалаю на ухо:

— Если хочешь, чтобы отец оде­вался быстро, скажи ему, пусть ложится не раздеваясь.

Хочалай знает, отец в молодости ни в чем ни от кого не отставал. А держать косу умел лучше многих. И бороться был ловкий — не касалась ни разу спина его земли. Десять шагов мог нести он трехлетнего бычка, подняв на плечи. Теперь у него нет руки, он не косит, а до­ставляет косарям хлеб, варит им мясо. Он половина здорового косаря, и причитается ему осенью половинная доля, хотя не позволит ему Домалай взять меньше остальных. Осенью на пологом склоне за их шалашом косари сложат все зарабо­танное сено в стога, и стог отца будет такой же высоты, как другие. Отец станет сердито спорить, а Домалай скажет:

— Не шуми. Ни рубля, ни со­ломинки тебе меньше. В доме твоём, слава создателю, от детей тесно, а корова твоя любит сено не хуже наших. Работал ты хорошо, а сын твой Хочалай, прямо скажем, совсем молодец...

Куда отцу деваться, он возьмет. А потом, когда они будут вдвоем, он, довольный, признается:

— Вырос ты Хочалай и рука моя словно выросла. Смотри, сколько сена у нас получилось и какое оно хорошее, со сметаной сам бы ел.

Много приятного слышал о себе Хочалай за лето на Боязире, а похвала отца дороже всего. Особенно приятно слышать, что он вырос и отец теперь не чувствует себя одноруким. Но что говорить или де­лать, когда тебя хвалят? Молчать и просить или сказать, что не ради хороших слов ты стараешься, а просто, как все, утром, вечером, днем и всегда делаешь свое дело. Хочалай может мокнуть под проливным дождем, гореть под жарким солнцем, может не спать две ночи и идти с Упрямым по Тропе шайтана, и пусть не говорят ему «молодец», «молодец». Пусть только думают все косари, и Хайдар вместе с ними, что он делает не меньше того, что могла бы делать потерянная рука отца.

Утром косари в шалаше на завтрак время не теряют. Когда поредет тьма, Домалай их будит, и они уходят, зыбкие и неясные в еще не родившемся свете. Завтрак им везет Хочалай. Сначала он долго ищет Упрямого, потом собирает в два кожаных мешка чашки, ложки и хлеб, наливает в два бурдюка айран и, ловко приторочив все это к седлу, торопит Упрямого к косарям. Чашки, ложки должны быть чистыми до яркого блеска, а хлеб должен быть двух сортов — хлеб русский и хлеб карачаевский. Хлеб русский тот, что продают в магазине, его любят Хайдар, Азрет, Хопай и Хамит.

Домалай с остальными любят карачаевский, тот, что печется дома. Айран в бурдюках тоже разный. В одном — свежий, умеренно кислый и густой. Его называют джуурт, с ним едят хлеб. В другом бурдюке — сусаб — очень кислый, сердито шипящий и разбавленный водой айран. Он прекрасно утоляет жажду.

Хочалай не раз слышал, лучше айрана ничего на свете нет. Карачаевец не менее трех раз в день говорит ему душевное спасибо и в молитвах своих

просит аллаха не испытывать его стойкость разлукой с айраном. Хочалай и дома уважал айран, а на Боязире по-настоящему с ним сдружился. Как подоить корову, вскипятить и остудить молоко, сколько положить закваски, чтобы не слишком кислым получился айран, чем его накрыть и укутать, чтобы он не стал терпким от холода или чрезмерного тепла — этому Хочалай научился тоже на Боязире. И неплохо научился. В айране он теперь толк знает, никто не скажет обратное. Лишь однажды, еще вначале, он попал впросак — привез косарям слишком жидкий сусаб. Непонятно было — то ли айран разбавлен водой, то ли воду айраном подбелили. Домалай тогда сжал обеими руками гоппан, долго всматривался в его содержимое и сокрушенно воскликнул:

— Бедная река Кубань, как рано ты поседела?

Не промолчал, конечно, и Хайдар. Лишь только гоппан перешел к нему, он сразу спросил:

— Я здесь купаться буду?! Хайдар в гоппане не выкупался, Хайдар его выпил, обтер усы и сделал вывод:

— Не будем обижаться на Хочалай. Хочалай не виноват. Виноват Хур-хур.

Не спит теперь Хочалай, как спал тогда, разбавляя айран.

А спать хочется.

Накормив утром косарей, Хочалай возвращается назад в шалаш. Пешком ли он идет, едет ли на Упрямом, за ним по пятам неотступно плетется Хур-хур. Хорошо было бы, если бы Упрямый не капризничал — семеня бы себе копытцами, а Хочалай вздремнул бы. Не получается так. Стоит ему закрыть глаза, Упрямый тут же останавливается — сразу чувствует: навалился на седока Хур-хур. Спи семь дней, семь дней он будет стоять, как будто твоими глазами дорогу видит.

Не только в дороге пытается Хур-хур свалить Хочалай, он рад это сделать в любое время. Хочалай собирает кизяк или колет дрова, моет казан или чистит картошку — Хур-хур неизменно где-то рядом. Особенно близко он любит подкрадываться, когда Хочалай, сеvu костра, слушает, как гудит закипающий

котел, и думает только об одном: не убежало бы молоко.

Хайдар давно уже не прочь доказать, что Хур-хур Хочалай любит особенно сильно. Пусть доказывал бы это кто-нибудь другой, а Хайдар! Лучше вспомнил бы, как зовут его деда. Деда Хайдара зовут Мухамматом, но в ауле еще четыре Мухаммата, не считая двоих, умерших в прошлом году, и, чтобы не путать с ними, его зовут Мухамматом, который палец в айране заквасил. Дед Хайдара, когда еще он не был дедом с седой бородой, а был мальчиком чуть старше или чуть моложе Хочалай, опустил палец в молоко, выясняя — достаточно ли оно остыло для квашения и, не успев вытащить, так и заснул и спал всю ночь, пока молоко не стало айраном. Теперь дед Хайдара не мальчик — дед с седой бородой, а его и теперь иногда называют Мухамматом, который палец в айране заквасил. А Хайдар забывает, что он внук этого деда, и говорит разные нехорошие слова о других.

В субботу утром Домалай оставил Хайдара в шалаше помогать Хочалаю — надо было зарезать и освежевать двух барашек. Сначала Хайдар работал молча, и неплохо работал, если честно сказать. Но когда уже мясо варилось и они присели отдохнуть, Хайдар стал называть себя несчастным человеком, потому что Домалай заставил его заняться не мужским делом. И мясо варить, и посуду мыть, и хлеб возить — дело женщин, а настоящий мужчина создан косить.

Много дней терпел Хочалай, сегодня терпение его кончилось, он сказал Хайдару все, что думал.

Пусть не может косить его отец, пусть не может вздеть на вилы полкопны и метнуть на вершину высокого стога, не может пусть даже шляпу натянуть наравне с другими, но он все-таки мужчина, потому что не заквасил пальца в айране, а делать многое может и с одной рукой. Завтра пригонят волов — начнут стягивать копны для стогования, и пусть Хайдар попробует силы, соревнуясь с отцом. А он, Хочалай, сейчас оседлает Упрямого и поедет вместо отца в аул за

хлебом.

Хайдар не хотел пустить Хочалая, отобрал седло, запер в сарае, но Хочалай в том же сарае запер самого Хайдара и сказал ему «до свидания». Вот он и везет по Тропе шайтана хлеб, а его отец на горячем склоне Боязира вместе со всеми стягивает копны — по десять штук в одно место, где будет поставлен стог. Упряжка волов отца еще не знает усталости. Она стремительно взбирается на крутую гору, останавливается, послушная его команде; отец ловко захлестывает копну арканом, подпихивает, и она, то догоняя волов, то отставая, как живая, скачет вниз. И как бы крут ни был спуск, сколько бы камней ни лежало на пути, она не свалится, она будет покорна крепкой руке отца, которая глубоко вонзила в нее вилы и надежно держит.

Не хотел Хайдар пускать в аул Хочалая, говорил:

— От отца твоего здесь толку не будет, а от тебя там толку не будет. Свалит тебя ночью Хур-хур с ишака, заснешь где-нибудь в придорожной траве, и сидеть нам без хлеба.

— Не засну,— сказал Хочалай,— увидишь. Отдай седло.

— Может, и не заснешь. Но меня Домалай ругать будет, скажет — зачем парнишку одного отпустил? Зашелестит трава, зашумит листьями дерево в темноте — испугается он, зайкой станет...

— Не испугаюсь. Отдай.

— Может, и не испугаешься, и не заснешь. Но как у Красных утесов пройдешь? Застрянет меж ними твой длинноухий, а мы из-под ладошек на дорогу смотреть будем — где же наш Хочалай?

Хочалай не заплакал, как, видно, хотел того Хайдар. Хочалай сказал:

— Хватит нам лежать на боку. Давай сушить мясо.

Мясо двух овец, аккуратно разделанное, висело в сарае. В тени оно быстро портится. Хайдар и Хочалай обсыпали его солью, стали выносить и вешать на солнце. Отправившись за последним куском, Хочалай вытащил и спрятал в бурьяне седло, а потом снова

зашел в сарай и крикнул Хайдару, что не может снять с гвоздя мясо.

— Как будто там висит не худая овечья ляжка, а ляжка тучного быка,— бурчал Хайдар недовольно, входя в сарай.

Не успел он сделать и двух шагов, как Хочалай, хлопнув снаружи дверь, ловко накиннул замок и, торжествуя, стал седлать Упрямого.

Удивительно ласковые слова придумывал Хайдар, высунув в оконце сарая нос,— просил выпустить.

— Придут на обед — косарей проси,— отвечал Хочалай. — Честно скажи им, почему ты в сарае. Вернись к сроку, ничего со мной не случится...

Не испугался Хочалай ни травы, ни дерева, с ишака не упал, как пророчил Хайдар, и все было бы прекрасно, если бы его не одолевал Хур-хур. Вчерашнюю ночь Хочалай не поддавался, ни разу глаз не сомкнул, пока не добрался в аул. Утром он выехал назад, сейчас скоро полдень и Хур-хур все сильнее давит его к седлу, а впереди у них еще полдня и целая ночь. До вечера крепиться можно, но после вечера будет ночь, ночью уже у Хур-хура сил прибавляется, кто победит — знает только аллах.

* * *

К Красным утесам Хочалай подъезжает, когда ни скалы, ни деревья, даже самые большие, не дают тени. Это время — точная середина дня, солнце светит прямо на макушку, и тень прячется под ногами. Хочалай набирает из фляги полную кружку воды, медленно, глотками выпивает половину, другую половину так же медленно выливает себе на голову и за воротник рубахи. Студеные струйки ползут вниз по всему телу, и Хочалай с радостью чувствует, как от него все дальше уходит Хур-хур.

— Биссимилля! — произносит громко Хочалай волшебное слово, которым карачаевец начинает всякое маленькое или большое дело, чтобы дело это стало легким и было удачным.

Хочалай стаскивает с Упрямого хурджуны. Они нетяжелые. По два сразу может нести Хочалай и нужно только

четыре раза пройти через Красные утесы, чтобы перетащить их. С флягами дело серьезней. Отец их мог легко тащить на себе, сначала одну, потом другую. Хочалай так не может, поэтому он взял в ауле два бурдюка, каждую флягу придется делить и тащить по частям. Там, на Боязире, думают, конечно, что явится он без воды, а если с водой, то ее будет мало. Но воды будет ровно столько, сколько может поместиться во фляги, ни капли меньше. Сначала Хочалай не знал, зачем нужно по такой длинной и трудной дороге везти из аула воду, когда на Боязире под каждым кустиком чистый и прохладный родник. Объяснил отец: Домалай в чужих краях поклялся, что если снова окажется на родине, то никакая сила не унесет его от нее так далеко, чтобы он не мог утолить жажду водой из Кубани. Остальные косари клятвы никакой не давали, а пьют и разбавляют айран тоже только этой водой.

Первый бурдюк легкий и приятен, весело булькает и переливается в его утробе вода. «Слишком мало несу,— с досадой замечает Хочалай.— В следующий раз достанется больше». И в самом деле, второй бурдюк оказывается тяжелее. Он взбух, стал круглым, не хочет спокойно улечься на плечах, норовит съехать вниз. К тому же он успел отсыреть, и Хочалай затылком чувствует уже не легкую прохладу, а липкую и холодную кожу. Такая кожа бывает, наверное, у лягушек, предполагает Хочалай.

Но больше всего заставляя потеть Хочалай фляга. В ней совсем мало воды, но фляга сама тяжела, невыносимо давит на кости, кости болят, ноет шея, немеют руки. Приходится часто сбрасывать флягу с себя и тащить по камням волоком, то длинными, то короткими рывками. Грохот и скрежет металла эхом скачут в каменном коридоре, семикратно повторяются, растут и прежде чем куда-то уйти, долго живут то в правом, то в левом ухе. Все ниже нахлобучивает Хочалай свою войлочную шляпу, но гул в ушах не умирает. Он живет и после того, как Хочалай кончил дело. Упрямый навьючен, пощипывает травку, можно снова в дорогу, но Хочалай

не может поднять себя с нагретого солнцем камня.

— Упрямый устал,— думает он,— пусть Упрямый пощиплет травы, а я немного посижу, времени еще много.

Только не надо закрывать глаза, думает он, потому что как только Хочалай закрывает глаза, тут же встает перед ним Хур-хур, опускает на его плечи тяжелые ладони и тихонько клонит к земле.

— Полежи немного,— слышит он вкрадчивый голос Хур-хура.— Камень под тобою такой теплый и гладкий...

— Не уговаривай,— отказывается Хочалай.— Уйди, дай встать, мне спешить нужно.

— Прогонишь сейчас — приду ночью, — грозит Хур-хур. — Не спорь, поспи чуть-чуть и снова тронешься в путь.

— Хитер ты,— качает головой Хочалай,— говоришь, чуть-чуть, а не постесняешься держать меня на этом камне весь день. Не хочу тебе верить, хочу с тобой быть тоже хитрым.

Хочалай хитрит. Крепко обвязывает он свою левую ногу концом повода Упрямого и вытягивается на камне. Он знает, что будет спать, но не проспит. Как только Упрямый общиплет траву вокруг, тут же потянется дальше и разбудит его...

Засыпая, Хочалай видит у своей головы темные влажные губы Упрямого, слышит мерный хруст травы в его желтых зобах...

Будит его дождь. Тяжелые крупные капли падают на лицо, ползут по щекам, бьются о камень... И светит солнце. Неяркое и теплое висит оно над извилистым нечетким горизонтом. Дождь ровный, мерно стучат капли и по земле ползет мягкий шорох... Слепым дождем называют дождь при солнце. Почему слепой этот самый светлый, самый чистый, умывающий лик солнца дождь? Когда он идет, маралы, говорят, в лесу рожают детей. Это дождь изобилия, он радуется всех. И Хочалаю радостно. Он поднимает лицо, оборачивается и щеки его начинают дрожать, губы вздрагивают и вытягиваются в улыбку. За его плечами стоит радуга так близко, что, кажется,

можно попасть камнем, если не бояться разбить ее в кусочки. А под радугой на крутом синеватом склоне, прижавшись друг к другу, стройные и высокие серебрятся четыре стога, и вокруг них маленькие, как их дети, и круглые, как ночные шапки кумыков, рассыпались копны. Почему они серебряные, удивляется Хочалай. Это все, наверное, дождь. От самого неба до земли протянулись его прямые нити, и на этих серебряных нитях, кажется, висит земля, вся тоже серебряная, с горами и лесом, с высокими стогами, с ним самим и с Упрямым.

Радостно Хочалаю, не уходит улыбка с его лица. Чему улыбаюсь, думает Хочалай, кто родил эту большую радость? Дождь, солнце? Или притихшие под красивой радугой стога? Или это его навьюченный четвероногий друг, который сейчас закрыл свои слепые глаза и недвижно дремлет под теплым дождем, отдохнувший и снова крепкий? А может, радость поселилась в нем потому, что он сам отдохнул, что плечи его забыли тяжесть непокорных фляг, что не болит натертая старым сапогом нога, что позади остаются Красные утесы и впереди у них ровная, прямая дорога.

* * *

Над Боязиром догорает заря. Выпрямив в струну натруженный хребет и высоко забрасывая голову, карабкается по давно обкошенному желтому склону навстречу заре Упрямый. На макушке склона он останавливается, ловит раздутыми ноздрями запахи утра, прислушивается к звукам и незрячим взглядом обводит лежащее внизу ущелье, где ждет его ключевая вода и никем не тронутая зеленая-зеленая трава. Упрямый стоит не-

движно, потом вытягивает шею, поднимает к пламенному небу морду, кричит. По ущельям, балкам, по кряжистым хребтам, по всему еще не проснувшемуся Боязиру, забирая все выше и выше, бежит густой, могучий, раскатистый рев. О чем кричит Упрямый? О том, что ждет его внизу еда и питье, что он развьючен и бока его дышат свободно? Или Упрямый хотел бы видеть свою жизнь вечно такою, как сейчас, и в реве его сказана жалоба на бремя тяжелых грузов? Или, может, он просто, по-своему, по-ослиному, благодарит судьбу за то, что это бремя не вечно?

Упрямый идет по вершине склона навстречу готовому взойти солнцу, все ускоряет шаг и, наконец, бежит, сначала рысцой, потом галопом, будто стараясь убедить себя в том, что легки и крепки его тонкие ноги и еще не забыли свой бег.

В шалаше на пахучем сене лежит Хочалай. Не свернулся калачиком, как ему было бы теплее, а раскинулся на спине, по-мужски вытянув тело.

Начинает всходить солнце. Роса поднимается в небо. С туманного холма спускаются, спешат к завтраку косари. Уже слышны их бодрые, громкие голоса. Хочалай хочет их дожидаться, увидеть на их лицах хорошо спрятанное одобрение, и он несколько раз поднимает руку, чтобы отодрать друг от друга неудержимо слипающиеся веки. Косари уже близко, они идут к нему, но впереди их и проворнее их неслышными, невидимыми шагами идет к нему Хур-хур — счастливый богатырский сон.

И Хочалай не слышит и не видит, как Хайдар сел на корточки, тихо улыбается, тихо шепчет ему на ухо, что он настоящий мужчина.

